

ропологического начала в бытии, комплементарно дополняющийся мифом проклятия, сопровождающим события трагедии. Дионисическая мифология возникла как возможность синтеза хтонизма и героизма, фундируя само бытие трагедии: Дионис – её нуминозный покровитель, Софокл – апологет Аполлона. Аполлонизм и дионисизм порождают мифологию вины, без которой невозможна проблематика самопознания. Если софисты и Сократ совершили антропологический поворот в философии, то Софокл это сделал в трагедии, о чём говорят и характер поднятых им проблем в трагедии, и специфическая аналитическая техника «Царя Эдипа». Сама направленность бытия Эдипа, начиная с вопроса в Дельфах, поединка со Сфинксом, воцарения в Фивах и последующего его разоблачения, вплоть до обретения приюта в Колоне, есть трагический путь самопознания.

Субъективный аспект «сакральное – профанное» раскрывается в точках проникновения в бытие человека нуминозных сил, среди них: диафрагма (phreḡa), разум (noos), богатство, благополучие, счастье (olbos).

Плоскость «аполлоническое – дионисическое» представлена рядом аспектов. Во-первых, функции, обоюдно выполняемые Аполлоном и Дионисом: пророческая, карательная, освобождающая, катартическая. Пророчество определяет содержание пророчеств, идущих из Дельф. Карательная функция раскрывает действие механизма проклятия. Комплементарно с ней дополняет освободительная функция, показывающая действие противоположных механизмов. И, наконец, катарсис, в отличие от своего медицинского содержания в хтонической мифологии, обладает здесь не просто моральным, но экзистенциально-преображающим характером. Во-вторых, взаимное пересечение Аполлона и Диониса: а) целое, предшествующее частям, и целое, состоящее из частей; б) объективная оформленность и субъективное самосознание; в) спокойная неподвижность, индивидуальность, созерцательность, и чудовищный ужас, всеединство, изначальная скорбь. В-третьих, напряжённость самопознания как экзистенциальный зазор, просвет бытия между объективно существующим знанием и субъективно имеющимся незнанием, что и выступает внутренней побудительной силой действий Эдипа. В-четвёртых, Тюхе как постоянство непостоянной судьбы, обладающей такими чертами как бинарность, стохастичность, детерминизм, генетичность, временность. Последняя раскрывает темпоральное измерение аполлонизма и дионисизма как синтеза *chronos* и *kairos* – трагического времени и времени трагедии.

УДК 17.022

ИНТЕГРАТИВНАЯ РОЛЬ ЦЕННОСТНОЙ ФУНКЦИИ ФИЛОСОФИИ*

А.С. Архангельская
Симферополь, Украина

Целых тысячу лет – с V века до н. э. до V в. н. э. просуществовала в истории философии школа киников (но не циников в современном понимании!), душой которой называли этику.

Поздний стоицизм и раннее христианство тоже объединял почти единый этический фундамент. Именно «почти», ибо если для стоиков сострадание по-

читалось непростительной слабостью (особенно для воина!), то для христиан сострадание – и зародыш, и одна из основ Любви.

Этическая направленность идей, которые объединяли самых разных представителей отечественной философии – как религиозной, так и атеистической, настолько же очевидна, насколько очевиден был отход от нее в XX веке.

Трудно не согласиться со Львом Шестовым, который считал, что «влияние цинической школы на историю человеческих исканий было гораздо больше, чем это обыкновенно предполагается. Я думаю, что мы с полным правом можем утверждать, что в циниках созрели уже те духовные элементы, из которых впоследствии создавалось европейское монашество» [1].

Но зато человеческие искания именно в XX веке (начиная с 60-х годов века XIX) привели к появлению такого феномена, как аксиология, т. е. учения о ценностях абсолютных, высших (или, как их еще называют почсму-то– базовых), о ценностях универсальных и, наконец, о ценностях весьма относительных, временных, преходящих. Кстати, если к числу первых мы относим и Добро, и Истину, и Красоту, не забывая о Свободе, Жизни и Любви, то к числу последних мы смело относим и Успех, и Деньги, и Славу, памятуя древнюю истину: *Sic transit gloria mundi* (так проходит мирская слава). Что же касается универсальных ценностей, то даже если мы напомним себе о существовании Мудрости, Святости и Этики, как совокупности нравственных (но не моральных!) принципов поведения, мы не должны забывать о следующем важном правиле теории ценностей: нельзя отождествлять носителя ценности и саму ценность.

Дело в том, что, если следовать логике одного из лучших представителей питерской школы философии – М. С. Кагана, нет материальных и духовных ценностей, а есть их носители [2]. Так, если верующие считают, что «Бог есть истина», то более точным было бы выражение «Бог есть носитель истины». А если ученый и философ, размышляя о природе истины, будут отождествлять «Истину» и «Ценность», они тем самым как бы забывают о том, что есть среди них подвижники, для которых поиск истины есть смысл жизни. Но ведь таких подвижников всегда меньшинство! Так же, как и в любом виде духовной деятельности. Недаром, другой ленинградский философ (в период, когда он еще преподавал в СГУ – теперь ТНУ) В. Н. Сагатовский определял само понятие ценности как «жизненные смыслы».

И вот здесь нам самое время обратиться к заголовку этого краткого текста. Дело в том, что именно Этика является душой аксиологии, а аксиология сама должна стать важнейшей функцией философии. Отечественная философия лишь благодаря работам представителей ленинградско-питерской школы с начала 60-х годов XX века обратилась к аксиологической проблематике, которой Европа если не совсем переболела к концу 30-х годов, то во всяком случае, благодаря Вильгельму Виндельбанду, Генриху Риккертю – и особенно Макс Шелеру и Макс Веберу – заняла свое место вместе с антропологией.

Вся совокупность этической проблематики – это действительно те смысло-жизненные вопросы, которые более всего задевают самый болезненный нерв человеческих исканий истины о самом себе, о людях, которых мы любим или тех, кому мы позволяем себя любить. Даже сущность такой ценности как эстетическое переживание несет в себе **этическое** начало – это бескорыстие любования или бескорыстие сострадания.

Очень хотелось бы найти взаимопонимание в кругу коллег, не столько философского истеблишмента, сколько среди молодых исследователей, среди которых легче обнаружить единомышленников.

У Гете есть очень дорогая для меня мысль: «Как только мы начинаем по-настоящему чего-то желать, путями воистину неисповедимыми, мы начинаем притягивать в свою жизнь людей, события и обстоятельства, необходимые нам для осуществления нашей страстной мечты». Эта мысль Гете как-то перекликается с уверенностью Артура Шопенгауэра в том, что «Правильно уметь хотеть – это уже иметь задуманное».

Это тем более важно, учитывая современные реалии – как духовные, так и социальные. «Так же, как неразлучимы в России живопись, музыка, проза, поэзия, неотлучимы от них и друг от друга философия, религия, общественность, даже – политика. Вместе они образуют единый мощный поток, который несет на себе драгоценную ношу национальной культуры».

Это сказал Александр Блок и сказав, словно предвосхитил наши надежды на обретение понимания той объединительной роли, которая во всей культуре гуманитарного знания принадлежит именно аксиологии.

Список литературы

1. *Шестов Лев*. Лекции по истории греческой философии. – М.: Русский путь; Париж: YMCA PRESS, 2001. – 198 с.
2. *Каган С. М.* Философская теория ценностей. – СПб: 1997.

УДК 17.03

КАТЕГОРИЯ «БЛАГО» В УТОПИЧЕСКОМ ВРЕМЕНИ: ОПЫТ (НЕ)ВОПЛОЩАЕМОСТИ

С.И. Бондарь, Т.А. Бондарь
Полтава, Украина

В последние десятилетия и в социальной философии, и в политике относительно перспектив развития общества, приближения его к «идеальному» состоянию наблюдаем очевидное изменение парадигмы: «количественный» критерий заменяется «качественным», аксиологическим. Условием достижения справедливости и «общего блага» становится не столько «искусство разделения», сколько искусство контекстуального уравнивания отдельных аспектов этих ценностей.

В этом контексте сущность утопии объяснить чаще всего пытаются тем, насколько эта утопия воплощаема, а соответственно, насколько реализуемо то «всеобщее благо», достижение которого есть её основной целью. И тут наблюдаем полярное расхождение во мнениях. Основные позиции: а) утопии (и утопическое благо) нереализуемы; б) утопии реализуемы, нужно только найти спасительную истину, которая приведёт к построению идеального общества; в) утопии реализуемы лишь относительно – в плане позитивного влияния на развитие человечества гуманистических идеалов, в утопических проектах заложенных.

Рано или поздно, независимо даже от нашего на то желания, утопия становится очень реальной для нас явью, которую можем и не заметить, продолжая, как и прежде, считать несбыточной идеей, неосуществимой мечтой. Нас заин-